

Мифологические и исторические источники романа Хосе Лопеса Портильо «Пирамида Кецалькоатля»

(первое издание романа датируется 1965-м годом)

Перед анализом этого текста следует сделать несколько замечаний относительно его автора: фигура Хосе Лопеса Портильо примечательна тем, что помимо своей писательской деятельности, он в период с 1978 по 1982 гг. занимал должность президента Мексики. Родственные связи Портильо также заслуживают внимания: его отец Хосе Лопес Портильо-и-Вебер являлся известным археологом и историком, посвятившим себя изучению Мексики. Некоторые из его наработок Лопес Портильо использует и в «Пирамиде Кецалькоатля», в частности — отдельные детали из книги его отца «О поистине странном и сверхъестественном в завоевании Мексики».

В основе сюжета «Пирамиды Кецалькоатля» лежит легенда о Пернатом змее (на индейском языке науатль его имя звучит как «Кецалькоатль») — полубоге-получеловеке, чудесным образом появляющемся на территории индейских племен. Кецалькоатль, согласно преданию, обучал людей ремеслам и искусствам и стал основателем могущественной цивилизации тольтеков. Начало романа посвящено появлению главного героя на земле полуострова Юкатан: «Он там лежал, привязанный к кресту, обрызганный морской пеной, прижавшийся к земле, прильнувший к ней с любовью, как к матери дитя».¹ Появление Пернатого змея в мифах индейцев на самом деле описано скудно. Однако есть указания на то, что он должен был явиться с востока (из-за океана, то есть по сути дела со стороны Европы), что находит свое отражение и в описании внешности героя: «Пернатый змей стал человеком! Белым и волосатым!» В дальнейшем акцент на белой коже пришельца делается еще несколько раз. Симптоматично и то, что Кецалькоатль появляется привяз-

¹ Лопес Портильо Х. Пирамида Кецалькоатля: Повесть-миф / Пер. с исп. М.И. Былинкиной. — СПб., 2003. — С. 6. Далее все сноски на текст романа даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.

занным к кресту — именно с этой точки начинается религиозное переосмысление древнего мифа автором.

По мысли автора, Кецалькоатль явился установителем монотеизма на территории, до этого характеризующейся наличием культа нескольких богов, которым регулярно приносились человеческие жертвы: «Явился к храму чужестранец и ниспроверг богов, им не пришлось испить Акатля крови. И не разверзлись небеса, лишь пролились дождем, а солнце радовалось, как обычно». Низвержение старых богов описано как довольно легкое дело, но основное внимание повествователь сосредотачивает на личных переживаниях Кецалькоатля, его попытках изменить мировоззрение людей, его окружающих. Основопологающим моментом новой религии Кецалькоатля явилась христианская догма о страдании. До прихода чужестранца индейцы в огромных количествах проливали человеческую кровь для умилоствления своих богов. Вот как описывает такие жертвоприношения Диего Де Ланда — испанский инквизитор, составивший одно из самых авторитетных описаний жизненного уклада индейцев: «В одних случаях они приносили в жертву собственную кровь, разрезая уши кругом лоскутками и так их оставляли в знак жертвы. В других случаях они протыкали щеки или нижнюю губу, или надрезали части своего тела, или протыкали язык поперек с боков и продевали через отверстие соломинку с величайшей болью».² Специфика осмысления таких явлений в романе заключается в том, что христианское мировоззрение о ненасильственном пути развития и необходимости принесения себя в жертву ради других накладывается на понимание жертвы индейцами и, тем самым, трансформируется в новую догму, которая наиболее ярко проявляет себя в эпизоде, когда мальчик Татле, желая вернуть радость грустившему Кецалькоатлю, протыкает себе язык и уши: «Боль причинил себе, чтобы к тебе вернулась радость. Чтобы опять ты пел на тростниковой флейте. Чтобы ты снова сети плел, ходил со мной, держал меня за руку. Для этого принес я жертву»

² Священные письма Майя: Пополь-Вух; Рабиналь-ачи / Пер. Р.В. Кинжалова. Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане / Пер. Ю.В. Кнорозова. — СПб, 2000. — С. 308.

[35]. Таким образом, индейцы понимают необходимость страдания в рамках своей культурной парадигмы, как возможность пролить кровь ради кого-либо. В данном случае старые боги просто подменяются новым культом — Кецалькоатля. Однако последний для объяснения новой идеологии совершает еще один подлинно христианский поступок: идет без охраны и оружия к чичимекам — воинственному племени людей-зверей, чтобы присоединить мирным путем их территории. Облик этого племени достоверно воссоздается автором и соответствует исторической правде: чичимеки описываются как «не знавшие земледелия и находившиеся на довольно низкой ступени развития».³ Естественно, что провал «операции» был заранее предречен неподготовленностью диких племен к такого рода действиям, их привычкой к военному пути решения любых проблем. Однако поход Кецалькоатля оказывается значим не столько сам по себе, сколько теми результатами, которые последовали после него: Кецалькоатля серьезно ранят и для его исцеления Акатль (мальчик, который первый нашел его выброшенным на берег) совершает поступок, впервые вписывающийся в рамки нового мировоззрения: ритуальное самоубийство ради возрождения лидера: «Теперь я Се-Акатль. Я первый человек грядущих лет. Я узел первый, прошлое связующий с днем новым. Пусть буду не последним! Я дойду до берега, спасу из моря дух Кецалькоатля, мятущийся в тумане и забвении. Иду в Омейокан. В двойное место, где все — живет, но в то же время мертво. Я иду. Я бранный человек, но с волей твердою, с желанием разбить те обе половины, создать свой мир. Из света и любви. Когда-нибудь он будет на земле. Кецалькоатль возвестил о том из тьмы, из своего забвения, всей силой доброй воле. Я тоже действую по доброй воле и тем ему уподобляюсь» [56].

Возрождение Кецалькоатля связывается далее с его преобразованиями, описание которых вполне соответствуют историческим источникам. Согласно роману, новый правитель начинает расширять город, который получил название Тула, и инициирует строительство огромной пирамиды, долженст-

³ Ко М. Майя. Исчезнувшая цивилизация: легенды и факты. — М., 2001. — С. 154.

вующий символизировать ценности установившейся религии. Строительство этой пирамиды сопровождается многочисленными неурядицами, однако в целом Кецалькоатлю удается присвоить Туле невиданную силу. В этот же момент впервые заходит речь о племени тольтеков. Согласно мифу, Тула (которая становится столицей империи тольтеков) описывается так: «Тыквы там огромные, длинной в локоть, початки кукурузы величиной с камень зернотерки, а по листьям амаранта можно вскарабкаться, как по ветвям пальм. Хлопок вырастает в Толлане [второе название Тулы] уже окрашенный в разные цвета: красный, желтый, розовый, зеленый, синий, малиновый, голубой, оранжевый, коричневый и темно-золотой. Всюду растут деревья какао и цветочного какао. Там множество прекрасных птиц с блестящим разноцветным оперением и все они поют, как горные соловьи. Поэтому тольтеки не знали ни голода, ни жажды, у них не было ни бедности, ни горя...»⁴ Подчеркивание могущества Тулы есть примета всей основной части текста, однако ключевым образом, многозначным по своей природе, становится пирамида, которую пытается воздвигнуть в городе Кецалькоатль. Пирамида в Туле действительно существует и сохранилась до наших дней, получив название Пирамиды Б или более поэтичное — Пирамида утренней звезды. Однако историческая роль этой конструкции не сводилась к маркированию каких-либо серьезных общественно-политических сдвигов в жизни города. Лопес Портильо делает из нее символ преобразований Кецалькоатля, и в то же время именно вокруг нее завязывается серия конфликтов: любовного, политического и философского характера.

Итогом деятельности Кецалькоатля становится разрушение тех ценностей, которые он пытался привить на чуждой земле, и реставрация прежних культов. Однако автор дает заключительное пророчество от имени Пернатого змея, в котором предрекает скорую колонизацию Мексики испанцами: «Они идут. Они пришли. Пришли большой толпой, вздымая тучи пыли. С палками

⁴ Цит. по: Священные письма Майя: Пополь-Вух; Рабиналь-ачи / Пер. Р.В. Кинжалова. Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане / Пер. Ю.В. Кнорозова. — СПб, 2000. — С. 17.

железными, огонь плюющими, с ножами длинными, как волны моря; в мантиях железных, звякающих, как колокольцы. В шлемах железных. Руки и ноги тоже в железе кованом. И кажутся они железными людьми под солнцем. Воинство, металлом скрытое» [147].

Пророчество и уход Кецалькоатля из Тулы также соответствует историческим данным. Вообще, вся реальная подоплека событий укладывается в несколько строк: «В начале X века тольтеки обосновались в местности, где был воздвигнут важнейший центр их культуры — город Тула, которым правил человек по имени Топильцин, претендовавший также на титул Кецалькоатля, или Пернатого змея, — одного из культурных героев тольтекской мифологии. Огромное значение в жизни тольтекского общества имели военизированные группы <...> Представители таких групп <...> предпочитали поклоняться богу войны Тецатлипоку, а не миролюбивому Кецалькоатлю. В соответствии с целым рядом псевдоисторических повествований, относящихся скорее к поэтическому творчеству, чем к реальным событиям, между Топильцином-Кецалькоатлем и его приверженцами, с одной стороны, и военизированной кликой, с другой стороны, разгорелась борьба. Победенный злой магией, которую использовал его противник, Кецалькоатль был вынужден вместе со своими последователями покинуть Тулу, приблизительно в 987 году. По одной из версий <...> он добрался до побережья Мексиканского залива, а оттуда отправился на плоту из змей в Тапаленн (Красную землю), для того чтобы однажды вернуться и принести освобождение своему народу».⁵

Таким образом, художественное повествование в финальной своей части соответствует исторической действительности. Важнейшим структурным элементом текста, который выбивается из мифологическо-исторического контекста является широкое привлечение христианских мотивов и символов, которые придают произведению большую глубину и философичность, приравнивая его к лучшим текстам на экзистенциальные темы. Можно даже предположить, что исторический хронотоп не играет большой роли в ткани

⁵ Ко М. Майя. Исчезнувшая цивилизация: легенды и факты. — М., 2001. — С. 154-155.

романа, служа лишь фоном для метафизических размышлений автора над смыслом бытия. Основания такого допущения кроются в откровенной абстрагированности повествования от конкретно-бытовых деталей исторической эпохи: включенные в текст приметы времени, на наш взгляд, соединяются несколько механистично и не раскрывают в полной мере быт тольтеков. Впрочем, вполне возможно, что это происходит и от недостаточности соответствующей информации. В таком случае автора совершенно не в чем обвинять.